

Вий

Истории о нечистой силе и сверхъестественных созданиях, уходящие корнями в предания украинского народа. Мистические повести, вошедшие в золотой фонд мировой литературы.

Бурсак Хома Брут получает указание ректора бursы — отправляться к богатому сотнику, дабы читать молитвы над его умершей дочерью. Как ни старался Хома отказаться от этого дела, люди сотника заперли его в церкви вместе с покойницей. Увидев лицо молодой панночки, бурсак вздрогнул — это было лицо ведьмы, с которой не так давно довелось ему встретиться. Тогда Хоме удалось скинуть ее чары. Но не теперь... («Вий»)

Также в сборник вошли произведения «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть», «Заколдованное место» и «Тарас Бульба».

НИКОЛАЙ
ГОГОЛЬ

ВИВИ

НИКОЛАЙ
ГОГОЛЬ

ВИИ

Сборник

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2018

ISBN 978-617-12-4921-9 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:

Гоголь Н. В. Собрание сочинений : В 7 т. — М. : Худож. лит., 1976. —
Т. 1, 2.

Предисловие и комментарии *Т. Н. Вакуленко и Н. Я. Косенко*
Дизайн обложки агентства «ТИМ+»

Электронная версия создана по изданию:

Бурсак Хома Брут отримує вказівку від ректора бурси — вирушити до заможного сотника, аби читати молитви над його померлою донькою. Як не старався Хома відмовитися від цієї справи, люди сотника замкнули його в церкві разом з покійницею. Побачивши обличчя молоді панночки, бурсак здригнувся — це було обличчя відьми, з якою нещодавно йому довелося зустрітися. Тоді Хомі вдалося подолати її чари. Але не тепер... («Вий»)

Також до збірки увійшли твори «Вечір напередодні Івана Купала», «Травнева ніч, або Потопельниця», «Страшна помста», «Зачароване місце» і «Тарас Бульба».

Гоголь Н.

Г58 Вий : сборник / Николай Гоголь ; предисл. и коммент. Т. Н. Вакуленко, Н. Я. Косенко. —
Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 320 с.
ISBN 978-617-12-4723-9

Бурсак Хома Брут получает указание ректора бурсы — отправиться к богатому сотнику, дабы читать молитвы над его умершей дочерью. Как ни старался Хома отказать от этого дела, люди сотника заперли его в церкви вместе с покойницей. Увидев лицо молодой панночки, бурсак вздрогнул — это было лицо ведьмы, с которой не так давно довелось ему встретиться. Тогда Хоме удалось скинуть ее чары. Но не теперь... («Вий»)

Также в сборник вошли произведения «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть», «Заколдованное место» и «Тарас Бульба».

УДК 821.161.1

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

«Поднимите мне веки...»

«Поднимите мне веки...» — эти слова, ставшие в наше время крылатым выражением, принадлежат перу известного русского писателя. Определение «русский» скорее условное, поскольку широкую известность автору принесли произведения, в которых красочно, колоритно, сочно и, наконец, мистически отображены Украина и украинцы. Но противоречие заключается не только в принадлежности писателя к той или иной национальной культуре. В литературной критике его называют великим русским писателем и в то же время — подпольным украинцем и страшным хохлом; нарекают православным христианином и, с другой стороны, чертом и даже сатаной. Языковеды укоряют его за «низкую» тематику и грубый, неправильный язык и вместе с тем восхищаются языком его произведений — «фантастическим» на интонационном и смысловом уровнях. А. С. Пушкин о произведениях писателя восторженно говорил: «Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности». В таких противоречивых определениях трудно не узнать выдающегося писателя XIX века Н. В. Гоголя.

Николай Васильевич Гоголь родился 20 марта 1809 г. в местечке Сорочинцы (на границе Полтавского и Миргородского уездов). Отец, Василий Афанасьевич, служил при Малороссийском почтамте. Человек веселого характера, занимательный рассказчик, он писал комедии и играл в домашнем театре дальнего родственника Д. Троицкого, бывшего министра и известного вельможи. Его увлечение театром, несомненно, повлияло на воспитание в сыне будущего писателя. Внутренний мир Гоголя во многом формировался под влиянием матери — Марьи Ивановны, полтавской красавицы, происходившей из помещицкой семьи. Она дала сыну несколько необычное религиозное воспитание, в котором переплелись духовность, нравственность с суевериями, пересказанными апокалиптическими пророчествами, страхом перед преисподней и неминуемым наказанием грешников.

Детство Н. Гоголя проходило в родном имении Васильевке. Вместе с родителями мальчик посещал окрестные селения Полтавщины:

Диканьку, принадлежавшую министру внутренних дел В. Кочубею, Обуховку, где жил писатель В. Капнист, но чаще всего они бывали в Кишиневе, имении Д. Трошинского, где была большая библиотека. Литературные способности у Гоголя проявились очень рано. В детские годы он начал писать стихи, которые одобрил В. Капнист, пророчески заметив о художественном даровании будущего писателя: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина».

С 1818 по 1819 г. Гоголь учится в Полтавском уездном училище, в 1821 г. Гоголь поступил в Нежинскую гимназию высших наук. В гимназическом театре он проявил себя как талантливый актер, исполняющий комические роли. Вскоре в Полтаве открывается театр, которым руководит Иван Котляревский — основоположник украинской драматургии. И художественный вкус Н. Гоголя формируется и воспитывается на драматическом творчестве И. Котляревского. Вместе с Гоголем в гимназии учились Нестор Кукольник и Евгений Гребенка.

К этому же времени относятся первые творческие опыты писателя: сатира «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан» (не сохранилась), стихи и проза. Он пишет поэму «Ганц Кюхельgarten», во многом незрелую, наследованную, которая была встречена жесткой и даже убийственной критикой. Гоголь сразу же скупает почти весь тираж книги и сжигает его (через много лет история повторится, когда он, уже известный писатель, сожжет 2-й том «Мертвых душ» и уничтожит незаконченную трагедию о запорожцах).

Окончив гимназию, Гоголь переезжает в Петербург, однако не получает там места, на которое надеялся, и внезапно уезжает в Германию. Возвратившись в Россию, Гоголь путано объяснял эту поездку (якобы Бог велел ему ехать в чужую землю) или же ссылался на проблемы в личной жизни. В действительности же он бежал от самого себя, от расхождения своих представлений о жизни с самой жизнью. В это время в творческой деятельности Гоголя появляются новые горизонты. Он письменно просит мать выслать сведения об украинских обычаях, преданиях, традициях, суевериях. Все это впоследствии послужило материалом для повестей из малороссийского быта, ставших началом литературной славы Гоголя: «Вечер накануне Ивана Купала», «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь». В 1831 и 1832 гг. выходят

1-я и 2-я части сборника повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». После выхода книги Гоголь — знаменитый писатель. Огромное значение для творческой карьеры Гоголя имел восторженно-положительный отзыв Пушкина о «Вечерах...». Один из литературных критиков сказал об этом просто: «Гений благословил гения». В дальнейшем Н. Гоголь создает книги «Миргород», «Арабески», пьесу «Ревизор», петербургские повести, поэму «Мертвые души». Уставший от усиленной работы над своими последними произведениями и душевных тревог, Гоголь в 1836 г. снова меняет обстановку — едет отдохнуть за границу. Поездка, с одной стороны, укрепила его, но, с другой стороны, с этого момента в его жизни наблюдаются странно-фатальные явления: сплин, уход в себя, отчужденность. Он усиленно работает над «Мертвыми душами», возвращается в Россию и снова уезжает за границу. О писателе (возможно, из-за его душевного состояния) ходили различные слухи: в Риме он будто вскакивал среди ночи и начинал вдруг плясать гопак; прогуливаясь в одном из парков, Гоголь раздраженно давил ящериц, бегавших по дорожкам; как-то ночью ему пришла в голову мысль, что он не исполнил предназначенного ему Богом, — он вынул из портфеля свои записи и бросил их в камин, хотя утром пришел к выводу, что сделал это под влиянием злого духа. Говорят также, что врачи определяли у Гоголя наличие душевной болезни.

Свое впечатление от посещения святых мест — Иерусалима, Палестины, Назарета, Гроба Господня — Гоголь сам называл «сонным». Святые места не улучшили его настроения, наоборот — он еще острее почувствовал в сердце пустоту и холод. 1848 — 1852 годы психологически были наиболее тяжелыми в его жизни. Им неожиданно овладел страх смерти, он оставил литературно-творческие занятия и углубился в религиозные размышления. Своего духовника — отца Матфея — Гоголь постоянно просил молиться о нем. Однажды ночью он отчетливо услышал голоса, говорившие, что он вскоре умрет. Депрессия все больше усиливалась. И 21 февраля 1852 г. писатель умер в глубочайшем душевном кризисе. О его смерти также ходит немало легенд: говорят, что он вовсе не умер, а уснул летаргическим сном и был похоронен заживо, затем при перезахоронении (1931 г.) оказалось, что тело перевернуто и крышка гроба поцарапана.

Жизненный путь и мировоззрение Н. Гоголя ярко отобразились в его творчестве. Произведения, вошедшие в этот сборник, наилучшим образом демонстрируют сплетение различных образов и сфер действительности — как материальной, реальной (этого мира), так и духовной, потусторонней (того мира). Здесь раскрывается величайший талант писателя: он предстает перед нами как мистик, фантаст, историк, религиовед, знаток демонологии и фольклора.

Выбор места действия в произведениях не случаен: Украина — край, чрезвычайно интересный в этнокультурном, историческом и даже социально-бытовом планах, окутанный легендами, мифами, богатый мистическими преданиями.

Сюжеты произведений, вошедших в сборник, похожи и строятся на неожиданном вмешательстве сверхъестественных темных сил в жизнь людей, а что таинственно и непонятно, то вызывает страх, — страх иррациональный, ничем не объяснимый, переходящий в мистический ужас. Гоголь черпает сюжеты в фольклоре, народной демонологии: это и ночь накануне Ивана Купала, запроданная душа, заколдованное место, родовое проклятие, черт, изгнанный из пекла, — при этом перерабатывает в своей неповторимой манере, иногда ужимая целый сюжет до нескольких строк, а иногда строя на нем полноценную повесть.

Картины, описанные Гоголем, уникальны, его пейзаж узнаваем и неповторим (вспомним, к примеру: «Знаете ли вы украинскую ночь?..» или «Чуден Днепр при тихой погоде...»). Бросается в глаза умение Гоголя-художника изображать ночь, когда с наступлением сумерек все преобразуется и приобретает мистическую окраску, и ночь становится широкой сценой, где происходят невероятные события. Все вокруг, начиная с деревьев и заканчивая бытовыми мелочами, меняет свой облик — темнеет, наполняется сверхъестественной силой, одушевляется, становясь мистически сильным. Если днем, к примеру, лес был просто лесом, то в темноте он превращается в толпу чудищ с цепкими костлявыми руками.

Герои гоголевских произведений — реалистичные; это определение относится как к обычным смертным людям, так и к образам из потустороннего мира. Последние воспринимаются как неотъемлемая часть действительности. Это не бесплотные загробные духи, а живые, «из плоти и крови» существа: злые и жестокие, простоватые и

лукавые — словом, обладающие обычным набором человеческих качеств. Потому и создается впечатление, что писатель будто бы осветил фонарем часть этой широкой ночной сцены и показал отдельные моменты происходящего.

Поражает и язык Гоголя — сочный, колоритный, экспрессивный — чрезвычайно живой, который тоже подчеркивает реальность происходящего. Именно об этом языке, часто «полуукраинском», Пушкин сказал: «А местами какая поэзия!» Хотя современники Пушкина обвиняли писателя в чрезмерном мистицизме, мрачном комизме, близком к черному юмору.

Однако настоящим судьей и критиком творчества Н. Гоголя всегда был и есть читатель. И ему решать, кем на самом деле был Гоголь, однажды написавший: «О себе скажу вам, что моя природа совсем не мистическая».

Вечер накануне Ивана Купала

Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви

За Фомою Григорьевичем водилась особенного рода странность: он до смерти не любил пересказывать одно и то же. Бывало, иногда если упросишь его рассказать что сызнава, то, смотри, что-нибудь да вкинет новое или переиначит так, что узнать нельзя. Раз один из тех господ — нам, простым людям, мудрено и назвать их — писаки они не писаки, а вот то самое, что барышники на наших ярмарках. Нахватают, напросят, накрадут всякой всячины, да и выпускают книжечки не толще букваря каждый месяц или неделю, — один из этих господ и выманил у Фомы Григорьевича эту самую историю, а он вовсе и позабыл о ней. Только приезжает из Полтавы тот самый панич в гороховом кафтане, про которого говорил я и которого одну повесть вы, думаю, уже прочли, — привозит с собою небольшую книжечку и, развернув посередине, показывает нам. Фома Григорьевич готов уже был оседлать нос свой очками, но, вспомнив, что он забыл их подмотать нитками и облепить воском, передал мне. Я, так как грамоту кое-как разумею и не ношу очков, принялся читать. Не успел перевернуть двух страниц, как он вдруг остановил меня за руку.

— Постойте! наперед скажите мне, что это вы читаете?

Признаюсь, я немного пришел в тупик от такого вопроса.

— Как что читаю, Фома Григорьевич? вашу быль, ваши собственные слова.

— Кто вам сказал, что это мои слова?

— Да чего лучше, тут и напечатано: *рассказанная таким-то дьячком.*

— Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! *бреше, сучий москаль.*

Так ли я говорил? *Що то вже, як у кого черт-ма клепки в голови!*¹

Слушайте, я вам расскажу ее сейчас.

Мы придвинулись к столу, и он начал.

Дед мой (царство ему небесное! чтоб ему на том свете елись одни только буханцы пшеничные да маковники в меду!) умел чудно рассказывать. Бывало, поведет речь — целый день не подвинулся бы с места и все бы слушал. Уж не чета какому-нибудь нынешнему

балагуру, который как начнет *москаля везть*², да еще и языком таким, будто ему три дня есть не давали, то хоть берись за шапку да из хаты. Как теперь помню — покойная старуха, мать моя, была еще жива, — как в долгий зимний вечер, когда на дворе трещал мороз и замуровывал наглухо узенькое стекло нашей хаты, сидела она перед гребнем, выводя рукою длинную нитку, кольша ногою люльку и напевая песню, которая как будто теперь слышится мне. Каганец³, дрожа и вспыхивая, как бы пугаясь чего, светил нам в хате. Веретено жужжало; а мы все, дети, собравшись в кучку, слушали деда, не слезавшего от старости более пяти лет с своей печки. Но ни дивные речи про давнюю старину, про наезды запорожцев, про вязов, про молодецкие дела Подковы, Полтора Кожуха и Сагайдачного⁴ не занимали нас так, как рассказы про какое-нибудь старинное чудное дело, от которых всегда дрожь проходила по телу и волосы ерошились на голове. Иной раз страх, бывало, такой заберет от них, что все с вечера показывается бог знает каким чудищем. Случится, ночью выйдешь за чем-нибудь из хаты, вот так и думаешь, что на постеле твоей уклался спать выходец с того света. И чтобы мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку⁵ за свернувшегося дьявола. Но главное в рассказах деда было то, что в жизнь свою он никогда не лгал, и что, бывало, ни скажет, то именно так и было. Одну из его чудных историй перескажу теперь вам. Знаю, что много наберется таких умников, пописывающих по судам и читающих даже гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой Часослов⁶, не разобрали бы ни аза в нем, а показывать на позор свои зубы — есть уменье. Им все, что ни расскажешь, в смех. Эдакое неверье разошлось по свету! Да чего, — вот не люби бог меня и пречистая дева! вы, может, даже не поверите: раз как-то заикнулся про ведьм — что ж? нашелся сорвиголова, ведьмам не верит! Да, слава богу, вот я сколько живу уже на свете, видел таких иноверцев, которым провозить *попа в решете*⁷ было легче, нежели нашему брату понюхать табаку; а те отрецивались от ведьм. Но приснись им... не хочется только выговорить, что такое, нечего и толковать об них.

Лет — куды! — более чем за сто, говорил покойник дед мой, нашего села и не узнал бы никто: хутор, самый бедный хутор! Избенки десять, не обмазанных, не укрытых, торчало то сям, то там, посередине поля. Ни плетня, ни сарая порядочного, где бы поставить скотину или воз. Это ж еще богачи так жили; а посмотрели бы на нашу братью, на голь: вырытая в земле яма — вот вам и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живет там человек божий. Вы спросите, отчего они жили так? Бедность не бедность: потому что тогда козаковал почти всякий и набирал в чужих землях немало добра; а больше оттого, что незачем было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всем местам: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то, что и свои наедут кучами и обдирают своих же. Всего бывало.

В этом-то хуторе показывался часто человек, или, лучше, дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал. Гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь — снова будто с неба упал, рыскает по улицам села, которого теперь и следу нет и которое было, может, не дальше ста шагов от Диканьки. Понаберет встречных козаков: хохот, песни, деньги сыплются, водка — как вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист — девать некуда! Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: бог знает, может, в самом деле перешли они через нечистые руки. Родная тетка моего деда, содержащая в то время шинок⁸ по нынешней Опошнянской дороге, в котором часто разгульничал Басаврюк, — так называли этого бесовского человека, — именно говорила, что ни за какие благополучия в свете не согласилась бы принять от него подарков. Опять, как же и не взять: всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что, кажется, унес бы ноги бог знает куда; а возьмешь — так на другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душить за шею, когда на шее монисто, кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда вплетена в нее лента. Бог с ними тогда, с этими подарками! Но вот беда — и отвязаться нельзя: бросишь в воду — плывет чертовский перстень или монисто поверх воды, и к тебе же в руки.

В селе была церковь, чуть ли еще, как вспомню, не святого Пантелея. Жил тогда при ней иерей, блаженной памяти отец Афанасий. Заметив,

что Басаврюк и на светлое воскресенье не бывал в церкви, задумал было пожурить его — наложить церковное покаяние. Куды! насилу ноги унес. «Слушай, *паноче!*⁹ — загремел он ему в ответ, — знай лучше свое дело, чем мешаться в чужие, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залеплено горячею кутьею!» Что делать с окаянным? Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто спознается с Басаврюком, станет считать за католика, врага Христовой церкви и всего человеческого рода.

В том селе был у одного козака, прозвищем Коржа, работник, которого люди звали Петром Безродным; может, оттого, что никто не помнил ни отца его, ни матери. Староста церкви говорил, правда, что они на другой же год померли от чумы; но тетка моего деда знать этого не хотела и всеми силами старалась наделить его родней, хотя бедному Петру было в ней столько нужды, сколько нам в прошлогоднем снеге. Она говорила, что отец его и теперь на Запорожье, был в плену у турок, натерпелся мук бог знает каких и каким-то чудом, переодевшись евнухом, дал тягу. Чернобровым дивчатам и молодежи мало было нужды до родни его. Они говорили только, что если бы одеть его в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек с щегольским синим верхом, привесить к боку турецкую саблю, дать в одну руку малахай¹⁰, в другую люльку в красивой оправе, то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних. Но то беда, что у бедного Петруся всего-навсего была одна серая свитка, в которой было больше дыр, чем у иного жида в кармане золотых. И это бы еще не большая беда, а вот беда: у старого Коржа была дочка-красавица, какую, я думаю, вряд ли доставалось вам видывать. Тетка покойного деда рассказывала, — а женщине, сами знаете, легче поцеловаться с чертом, не во гнев будь сказано, нежели назвать кого красавицею, — что полненькие щеки козачки были свежи и яркие, как мак самого тонкого розового цвета, когда, умывшись божьею росой, горит он, распрямляет листики и охорашивается перед только что поднявшимся солнышком; что брови словно черные шнурочки, какие покупают теперь для крестов и дукатов¹¹ девушки наши у проходящих по селам с коробками москалей, ровно нагнувшись, как будто гляделись в ясные очи; что ротик, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и создан был,

чтобы выводить соловьиные песни; что волосы ее, черные, как крылья ворона, и мягкие, как молодой лен (тогда еще девушки наши не заплетали их в дрибушки¹², перевивая красивыми, ярких цветов синдячками¹³), падали курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш. Эх, не доведи господь возглашать мне больше на крылосе¹⁴ аллилуйя, если бы, вот тут же, не расцеловал ее, несмотря на то что седь пробирается по всему старому лесу, покрывающему мою макушку, и под боком моя старуха, как бельмо в глазу. Ну, если где парубок и девка живут близко один от другого... сами знаете, что выходит. Бывало, ни свет ни заря, подковы красных сапогов и приметны на том месте, где раздобаривала Пидорка с своим Петрусем. Но все бы Коржу и в ум не пришло что-нибудь недоброе, да раз — ну, это уже и видно, что никто другой, как лукавый дернул, — вздумалось Петрусью, не обсмотревшись хорошенько в сенях, вlepить поцелуй, как говорят, от всей души, в розовые губки козачки, и тот же самый лукавый, — чтоб ему, собачьему сыну, приснился крест святой! — настроил сдуру старого хрена отворить дверь хаты. Одеревенел Корж, разинув рот и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцелуй, казалось, оглушил его совершенно. Ему почудился он громче, чем удар макогона¹⁵ об стену, которым обыкновенно в наше время мужик прогоняет кутью, за неимением фузеи¹⁶ и пороха.

Очнувшись, снял он со стены дедовскую нагайку¹⁷ и уже хотел было покропить ею спину бедного Петра, как откуда ни возьмись шестилетний брат Пидоркин, Ивась, прибежал и в испуге схватил ручонками его за ноги, закричав: «Тятя, тятя! не бей Петрусья!» Что прикажешь делать? у отца сердце не каменное: повесивши нагайку на стену, вывел он его потихоньку из хаты: «Если ты мне когда-нибудь покажешься в хате или хоть только под окнами, то слушай, Петро: ей-богу, пропадут черные усы, да и оселедец твой, вот уже он два раза обматывается около уха, не будь я Терентий Корж, если не распрощается с твоею макушей!» Сказавши это, дал он ему легонькою рукою стусана¹⁸ в затылок, так что Петрусь, невзвидя земли, полетел стремглав. Вот тебе и доцеловались! Взяла кручина наших голубков; а тут и слух по селу, что к Коржу повадился ходить какой-то лях, обшитый золотом, с усами, с саблею, со шпорами, с карманами,

бренчавшими, как звонок от мешочка, с которым пономарь наш, Тарас, отправляется каждый день по церкви. Ну, известно, зачем ходят к отцу, когда у него водится чернобровая дочка. Вот один раз Пидорка схватила, заливаясь слезами, на руки Ивася своего: «Ивасю мой милый, Ивасю мой любимый! беги к Петрусью, мое золотое дитя, как стрела из лука; расскажи ему все: любила б его карие очи, целовала бы его белое личико, да не велит судьба моя. Не один рушник вымочила горячими слезами. Тошно мне. Тяжело на сердце. И родной отец — враг мне: неволит идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовят, только не будет музыки на нашей свадьбе: будут дьяки петь вместо кобз и сопилок¹⁹. Не пойду я танцевать с женихом своим: понесут меня. Темная, темная моя будет хата: из кленового дерева, и вместо трубы крест будет стоять на крыше!»

Как будто окаменев, не сдвинувшись с места, слушал Петро, когда невинное дитя лепетало ему Пидоркины речи. «А я думал, несчастный, идти в Крым и Туречину, навоевать золота и с добром приехать к тебе, моя красавица. Да не быть тому. Недобрый глаз поглядел на нас. Будет же, моя дорогая рыбка, будет и у меня свадьба: только и дьяков не будет на той свадьбе; ворон черный прокрячет вместо попа надо мною; гладкое поле будет моя хата; сизая туча — моя крыша; орел выклюет мои карие очи; вымоют дожди козацкие косточки, и вихорь высушит их. Но что я? на кого? кому жаловаться? Так уже, видно, бог велел, — пропадать так пропадать!» — да прямехонько и побрел в шинок.

Тетка покойного деда немного изумилась, увидевши Петруся в шинке, да еще в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене, и выпучила на него глаза, как будто спросонья, когда потребовал он кухоль²⁰ сивухи²¹ мало не с полведра. Только напрасно думал бедняжка залить свое горе. Водка щипала его за язык, словно крапива, и казалась ему горше полыни. Кинул от себя кухоль на землю. «Полно горевать тебе, козак!» — загремело что-то басом над ним. Оглянулся: Басаврюк! у! какая образина! Волосы — щетина, очи — как у вола! «Знаю, чего недостает тебе: вот чего!» Тут брякнул он с бесовскою усмешкою кожаным, висевшим у него возле пояса, кошельком. Вздрогнул Петро. «Ге-ге-ге! да как горит! — заревел он, пересыпая на руку червонцы. — Ге-ге-ге! да как звенит! А ведь и дела только одного

потребую за целую гору таких цацек». — «Дьявол! — закричал Петро. — Давай его! на все готов!» Хлопнули по рукам. «Смотри, Петро, ты поспел как раз в пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и цветет папоротник. Не прозевай! Я тебя буду ждать о полночи в Медвежьем овраге».

Я думаю, куры так не дожидаются той поры, когда баба вынесет им хлебных зерен, как дожидался Петрусь вечера. То и дело что смотрел, не становится ли тень от дерева длиннее, не румянится ли понизившееся солнышко, — и что далее, тем нетерпеливей. Экая долгота! видно, день божий потерял где-нибудь конец свой. Вот уже и солнца нет. Небо только краснеет на одной стороне. И оно уже тускнет. В поле становится холодней. Примеркает, примеркает и — смерклось. Насилу! С сердцем, только что не хотевшим выскочить из груди, собрался он в дорогу и бережно спустился густым лесом в глубокий яр, называемый Медвежьим оврагом. Басаврюк уже поджидал там. Темно, хоть в глаза выстрели. Рука об руку пробирались они по топким болотам, цепляясь за густо разросшийся терновник и спотыкаясь почти на каждом шагу. Вот и ровное место. Огляделся Петро: никогда еще не случалось ему заходить сюда. Тут остановился и Басаврюк. — Видишь ли ты, стоят перед тобою три пригорка? Много будет на них цветов разных; но сохрани тебя нездешняя сила вырвать хоть один. Только же зацветет папоротник, хватай его и не оглядывайся, что бы тебе позади ни чудилось.

Петро хотел было спросить... глядь — и нет уже его. Подошел к трем пригоркам; где же цветы? Ничего не видать. Дикий бурьян чернел кругом и глушил все своею густотою. Но вот блеснула на небе зарница, и перед ним показалась целая гряда цветов, все чудных, все невиданных; тут же и простые листья папоротника. Поусомнился Петро и в раздумье стал перед ними, подпершись обеими руками в боки.

— Что тут за невидальщина? десять раз на день, случается, видишь это зелье; какое ж тут диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмеяться? Глядь, краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая, движется. В самом деле, чудно! Движется и становится все больше, больше и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя.

«Теперь пора!» — подумал Петро и протянул руку. Смотрит, тянутся из-за него сотни мохнатых рук также к цветку, а позади его что-то перебегает с места на место. Зажмурился глазами, дернул он за стебелек, и цветок остался в его руках. Все утихло. На пне показался сидящим Басаврюк, весь синий, как мертвец. Хоть бы пошевелился одним пальцем. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; рот вполтину разинут, и ни ответа. Вокруг не шелухнет. Ух, страшно!.. Но вот послышался свист, от которого захолонуло у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голоском тоненьким, будто серебряные колокольчики; деревья загремели сыпучею бранью... Лицо Басаврюка вдруг ожило; очи сверкнули. «Насилу воротилась, яга! — проворчал он сквозь зубы. — Гляди, Петро, станет перед тобою сейчас красавица: делай все, что ни прикажет, не то пропал навеки!» Тут разделил он суковатую палкою куст терновника, и перед ними показалась избушка, как говорится, на курьих ножках. Басаврюк ударил кулаком, и стена зашаталась. Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им. «Не бесись, не бесись, старая чертовка!» — проговорил Басаврюк, приправив таким словцом, что добрый человек и уши бы заткнул. Глядь, вместо кошки старуха, с лицом, сморщившимся, как печеное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком словно щипцы, которыми щелкают орехи. «Славная красавица!» — подумал Петро, и мурашки пошли по спине его. Ведьма вырвала у него цветок из рук, наклонилась и что-то долго шептала над ним, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пена показалась на губах. «Бросай!» — сказала она, отдавая цветок ему. Петро подбросил, и, что за чудо? — цветок не упал прямо, но долго казался огненным шариком посреди мрака и, словно лодка, плавал по воздуху; наконец потихоньку начал спускаться ниже и упал так далеко, что едва приметна была звездочка, не больше макового зерна. «Здесь!» — глухо прохрипела старуха; а Басаврюк, подавая ему заступ, примолвил: «Копай здесь, Петро. Тут увидишь ты столько золота, сколько ни тебе, ни Коржу не снилось». Петро, поплевав в руки, схватил заступ, надавил ногою и выворотил землю, в другой, в третий, еще раз... что-то твердое!.. Заступ звенит и нейдет далее. Тут глаза его ясно начали различать небольшой, окованный железом сундук. Уже хотел он было достать его рукою, но сундук стал

уходить в землю, и все, чем далее, глубже, глубже; а позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипеньем. «Нет, не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!» — сказала ведьма и подвела к нему дитя лет шести, накрытое белою простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову. Остолбенел Петро. Малость, отрезать ни за что ни про что человеку голову, да еще и безвинному ребенку! В сердцах сдернул он простыню, накрывавшую его голову, и что же? Перед ним стоял Ивась. И ручонки сложило бедное дитя накрест, и головку повесило... Как бешеный подскочил с ножом к ведьме Петро и уже занес было руку...

— А что ты обещал за девушку?.. — грянул Басаврюк и словно пулю посадил ему в спину. Ведьма топнула ногою: синее пламя выхватилося из земли; середина ее вся осветилась и стала как будто из хрустала вылита; и все, что ни было под землею, сделалось видимо как на ладони. Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, грудями были навалены под тем самым местом, где они стояли. Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи... Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. Ведьма, вцепившись руками в обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь... Все пошло кругом в голове его! Собравши все силы, бросился бежать он. Все покрылось перед ним красным цветом. Деревья, все в крови, казалось, горели и стонали. Небо, распалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились в его глазах. Выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку и, как сноп, повалился на землю. Мертвый сон охватил его.

Два дни и две ночи спал Петро без просыпу. Очнувшись на третий день, долго осматривал он углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была как карман старого скряги, из которого полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышал он, что в ногах брякнуло. Смотрит: два мешка с золотом. Тут только, будто сквозь сон, вспомнил он, что искал какого-то клада, что было ему одному страшно в лесу... Но за какую цену, как достался он, этого никаким образом не мог понять.

Увидел Корж мешки и — разнежился: «Сякой, такой Петрусь, немазаный! да я ли не любил его? да не был ли у меня он как сын родной?» — и понес хрыч небывальщину, так что того до слез

разобрало. Пидорка стала рассказывать ему, как проходившие мимо цыгане украли Ивася. Но Петро не мог даже вспомнить лица его: так обморочила проклятая бесовщина! Мешкать было незачем. Поляку дали под нос дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишек, нашили рушников и хусток²², выкатили бочку горелки; посадили за стол молодых; разрезали коровай; брякнули в бандуры, цимбалы, сопилки, кобзы — и пошла потеха...

В старину свадьба водилась не в сравнение с нашей. Тетка моего деда, бывало, расскажет — люли только! Как дивчата, в нарядном головном уборе из желтых, синих и розовых стричек²³, на верх которых навязывался золотой галун, в тонких рубашках, вышитых по всему шву красным шелком и унизированных мелкими серебряными цветочками, в сафьянных сапогах на высоких железных подковах, плавно, словно павы, и с шумом, что вихорь, скакали в горнице. Как молодницы, с корабlichem на голове, которого верх сделан был весь из сутозолотой парчи, с небольшим вырезом на затылке, откуда выглядывал золотой очипок²⁴, с двумя выдавшимися, один наперед, другой назад, рожками самого мелкого черного смушка; в синих, из лучшего полутабенку²⁵, с красными клапанами кунтушах, важно подбоченившись, выступали поодиночке и мерно выбивали гопака. Как парубки, в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, затянутых шитыми серебром поясами, с люльками²⁶ в зубах, рассыпались перед ними мелким бесом и подпускали турысы. Сам Корж не утерпел, глядя на молодых, чтобы не тряхнуть стариною. С бандурою в руках, потягивая люльку и вместе припевая, с чаркою на голове, пустился старичина, при громком крике гуляк, вприсядку. Чего не выдумают навеселе! Начнут, бывало, наряжаться в хари — боже ты мой, на человека не похожи! Уж не чета нынешним переодеваньям, что бывают на свадьбах наших. Что теперь? — только что корчат цыганок да москалей. Нет, вот, бывало, один оденется жидом, а другой чертом, начнут сперва целоваться, а после ухватятся за чубы... Бог с вами! смех нападет такой, что за живот хватаешься. Пооденутся в турецкие и татарские платья: все горит на них, как жар... А как начнут дуреть да строить штуки... ну, тогда хоть святых выноси. С теткой покойного деда, которая сама была на этой свадьбе, случилась забавная история: была она одета тогда в татарское широкое платье и с чаркою в руках

угощала собрание. Вот одного дернул лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промах, высек в ту же минуту огня, да и поджег... пламя вспыхнуло, бедная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать с себя, при всех, платье... Шум, хохот, ералаш поднялся, как на ярмарке. Словом, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно пан с панею. Всего вдоволь, все блестит... Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на житье их. «От черта не будет добра, — поговаривали все в один голос. — Откуда, как не от искусителя люда православного, пришло к нему богатство? Где ему было взять такую кучу золота? Отчего вдруг, в самый тот день, когда разбогател он, Басаврюк пропал, как в воду?» Говорите же, что люди выдумывают! Ведь в самом деле, не прошло месяца, Петруся никто узнать не мог. Отчего, что с ним сделалось, бог знает. Сидит на одном месте, и хоть бы слово с кем. Все думает и как будто бы хочет что-то припомнить. Когда Пидорке удастся заставить его о чем-нибудь заговорить, как будто и забудется, и поведет речь, и развеселится даже; но ненароком посмотрит на мешки — «постой, постой, позабыл!» — кричит, и снова задумается, и снова силится про что-то вспомнить. Иной раз, когда долго сидит на одном месте, чудится ему, что вот-вот все сызнава приходит на ум... и опять все ушло. Кажется: сидит в шинке; несут ему водку; жжет его водка; противна ему водка. Кто-то подходит, бьет по плечу его... но далее все как будто туманом покрывается перед ним. Пот валит градом по лицу его, и он в изнеможении садится на свое место.

Чего ни делала Пидорка: и совещалась с знахарями, и переполох выливали, и соняшницу заваривали²⁷ — ничто не помогало. Так прошло и лето. Много козаков обкосилось и обжалось; много козаков, поразгульнее других, и в поход потянулось. Стаи уток еще толпились на болотах наших, но крапивянок уже и в помине не было. В степях покраснело. Скирды хлеба то сям, то там, словно козацкие шапки, пестрели по полю. Попадались по дороге и возы, наваленные хворостом и дровами. Земля сделалась крепче и местами стала прохватываться морозом. Уже и снег начал сеяться с неба, и ветви дерев убрались инеем, будто заячьим мехом. Вот уже в ясный морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польский шляхтич, прогуливался по снеговым кучам, вытаскивая зерно, и дети

огромными киями гоняли по льду деревянные кубари, между тем как отцы их спокойно вылеживались на печке, выходя по временам, с зажженной люлькою в зубах, ругнуть добрым порядком православный морозец или проветриться и промолотить в сенях залежалый хлеб. Наконец снега стали таять, и *щука хвостом лед расколотила*, а Петро все тот же, и чем далее, тем еще суровее. Как будто прикованный, сидит посередине хаты, поставив себе в ноги мешки с золотом. Одичал, оброс волосами, стал страшен; и все думает об одном, все силится припомнить что-то; и сердится и злится, что не может вспомнить. Часто дико подымается с своего места, поводит руками, вперяет во что-то глаза свои, как будто хочет уловить его; губы шевелятся, будто хотят произнести какое-то давно забытое слово, — и неподвижно останавливаются... Бешенство овладевает им; как полоумный, грызет и кусает себе руки и в досаде рвет клоками волоса, покамест, утихнув, не упадет, будто в забытие, и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука... Что это за напасть божия? Жизнь не в жизнь стала Пидорке. Страшно ей было оставаться сперва одной в хате, да после свыклась бедняжка с своим горем. Но прежней Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца, ни усмешки: изныла, исчахла, заплакались ясные очи. Раз кто-то уже, видно, сжалился над ней, посоветовал идти к колдунье, жившей в Медвежьем овраге, про которую ходила слава, что умеет лечить все на свете болезни. Решилась попробовать последнее средство; слово за слово, уговорила старуху идти с собою. Это было ввечеру, как раз накануне Купала. Петро в беспамятстве лежал на лавке и не примечал вовсе новой гостии. Как вот мало-помалу стал приподниматься и всматриваться. Вдруг весь задрожал, как на плахе; волосы поднялись горою... и он засмеялся таким хохотом, что страх врезался в сердце Пидорки. «Вспомнил, вспомнил!» — закричал он в страшном веселье и, размахнувши топор, пустил им со всей силы в старуху. Топор на два вершка вбежал в дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лет семи, в белой рубашке, с накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетела. «Ивась!» — закричала Пидорка и бросилась к нему; но привидение все с ног до головы покрылось кровью и осветило всю хату красным светом... В испуге выбежала она в сени; но, опомнившись немного, хотела было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею так крепко, что не под силу было отпереть.

Сбежались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна. Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев. Выпуча глаза и разинув рты, не смея пошевелинуть усом, стояли козаки, будто вкопанные в землю. Такой страх навело на них это диво.

Что было далее, не вспомню. Пидорка дала обет идти на богомолье; собрала оставшееся после отца имущество, и через несколько дней ее точно уже не было на селе. Куда ушла она, никто не мог сказать.

Услужливые старухи отправили ее было уже туда, куда и Петро потащился; но приехавший из Киева козак рассказал, что видел в лавре монахиню, всю высохшую, как скелет, и беспрестанно молящуюся, в которой земляки по всем приметам узнали Пидорку; что будто еще никто не слышал от нее ни одного слова; что пришла она пешком и принесла оклад²⁸ к иконе божьей матери, исцвеченный такими яркими камнями, что все зажмуривались, на него глядя.

Позвольте, этим еще не все кончилось. В тот самый день, когда лукавый припрятал к себе Петруся, показался снова Басаврюк; только все бегом от него. Узнали, что это за птица: никто другой, как сатана, принявший человеческий образ для того, чтобы отрывать клады; а как клады не даются нечистым рукам, так вот он и приманивает к себе молодцов. Того же году все побросали землянки свои и перебрались в село; но и там, однако ж, не было покою от проклятого Басаврюка. Тетка покойного деда говорила, что именно злился он более всего на нее за то, что оставила прежний шинок по Опошнянской дороге, и всеми силами старался выместить все на ней. Раз старшины села собрались в шинок и, как говорится, беседовали по чинам за столом, посередине которого поставлен был, грех сказать чтобы малый, жареный баран. Калякали о сем и о том, было и про диковинки разные, и про чуда. Вот и померещилось, — еще бы ничего, если бы одному, а то именно всем, — что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих. Все тотчас узнали на бараньей голове рожу Басаврюка; тетка деда моего даже думала уже, что вот-вот попросит водки... Честные старшины за шапки да скорей восвояси. В другой раз сам церковный староста, любивший по временам раздобаривать глаз на глаз с дедовскою чаркою, не успел еще

раза два достать дна, как видит, что чарка кланяется ему в пояс. Черт с тобою! давай креститься!.. А тут с половиною его тоже диво: только что начала она замешивать тесто в огромной диже²⁹, вдруг дижа выпрыгнула. «Стой, стой!» — куды! подбоченившись важно, пустилась вприсядку по всей хате... Смейтесь; однако ж не до смеха было нашим дедам. И даром, что отец Афанасий ходил по всему селу со святою водою и гонял черта кропилом по всем улицам, а все еще тетка покойного деда долго жаловалась, что кто-то, как только вечер, стучит в крышу и царапается по стене.

Да чего! Вот теперь на этом самом месте, где стоит село наше, кажись, все спокойно; а ведь еще не так давно, еще покойный отец мой и я запомню, как мимо развалившегося шинка, который нечистое племя долго после того поправляло на свой счет, доброму человеку пройти нельзя было. Из закоптевшей трубы столбом валил дым и, поднявшись высоко, так, что посмотреть — шапка валилась, рассыпался горячими угольями по всей степи, и черт, — нечего бы и вспоминать его, собачьего сына, — так всхлипывал жалобно в своей конуре, что испуганные гайвороны³⁰ стаями подымались из ближнего дубового леса и с диким криком метались по небу.

¹ Вот уж у кого с головой не все в порядке! (укр.).

² То есть лгать. (Прим. Н. В. Гоголя.)

³ Каганец — светильник, который состоит из фитиля и сосуда с налитым маслом или керосином.

⁴ Подкова Иван — предводитель украинских казаков, Полтора Кожуха Карп и Сагайдачный (Конашевич) Петр — украинские гетманы XVII в.

⁵ Свитка — старинная долгополая верхняя одежда из домотканого сукна.

⁶ Часослов — богослужебная книга с псалмами и молитвами для ежедневного церковного чтения.

⁷ То есть солгать на исповеди. (Прим. Н. В. Гоголя.)

⁸ Шинок (укр.) — небольшое заведение, где продавали на разлив спиртное.

⁹ Паноче (укр.) — батюшка, святой отец.

¹⁰ Малахай — длинная кожаная плеть.

¹¹ Дукаты — женское украшение в виде монеты.

¹² Дрибушки (укр.) — тоненькие, мелко заплетенные косички.

¹³ Синдячки (укр.) — узкие ленты.

¹⁴ Крылос — в церкви: возвышенное место для хора, чтецов; клирос.

¹⁵ Макогон — деревянный стержень с утолщением на округленном конце, которым растирали мак, пшено и т. п.

¹⁶ Фузезя — старинная гладкоствольная винтовка.

¹⁷ Нагайка — плеть.

¹⁸ Стусан — толчок, тумак.

[19](#) Сопилка — род свирели.

[20](#) Кухоль (укр.) — глиняная кружка.

[21](#) Сивуха — недостаточно очищенная хлебная водка.

[22](#) Хустка (укр.) — платок.

[23](#) Стричка — лента.

[24](#) Очипок — старинный головной убор замужней женщины в форме шапочки.

[25](#) Полутабенек — шелковая ткань.

[26](#) Люлька (укр.) — трубка для курения табака.

[27](#) Выливают переполах у нас в случае испуга, когда хотят узнать, отчего приключился он; бросают расплавленное олово или воск в воду, и чье примут они подобие, то самое перепугало больного; после чего и весь испуг проходит. Заваривают соняшницу от дурноты и боли в животе. Для этого зажигают кусок пеньки, бросают в кружку и опрокидывают ее вверх дном в миску, наполненную водою и поставленную на животе больного; потом, после зашептываний, дают ему выпить ложку этой самой воды. (*Прим. Н. В. Гоголя.*)

[28](#) Оклад — металлическая оправа, рамка на иконах.

[29](#) Дижа (укр.) — кадка.

[30](#) Гайвороны — грачи.

Майская ночь, или Утопленница

Ворог його батька знає! почнуть що-небудь робить люди хрещені, то мурдуютьця, мурдуютьця, мов хорти за зайцем, а все щось не до шмигу; тільки ж куди чорт уплетеця, то верть хвостиком — так де воно й візмеця, неначе з неба³¹.

I. Ганна

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ